

ЕКАТЕРИНА АСМУС
ВРЕМЕНА

Екатерина Асмус
Времена (сборник)

«Accent Graphics communications»

2015

Асмус Е.

Времена (сборник) / Е. Асмус — «Accent Graphics communications», 2015

<p id="_GoBack">Книга посвящена юбилею Великой Победы и включает в себя несколько тематических циклов, смыслово объединяющих произведения. Рассказы, представленные в сборнике, пронизаны любовью к родной стране, сочувствием к ее боли и гордостью за ее достижения. Через переживания обычных людей, автор дает временной и социальный срез различных состояний нашего общества, взаимоотношений между людьми, их чаяний, надежд, разочарований, взлетов и падений.

Содержание

Цикл «с любовью о любви»	6
Паркетный лак	6
Девяносто девять пенсов	12
Письмо для Колумбины	19
Цикл «закон непротиворечия»	20
Бумажный человечек	20
Коммунальный коридор	22
Мадам Прето	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Екатерина Асмус

Времена

© Екатерина Асмус, 2015

© «Группа МИД», 2015

© «АураИнфо», 2015

Цикл «с любовью о любви»

Паркетный лак

Молодая женщина, очень молодая и очень хорошенькая уже не в первый раз за последние два часа раздвинула тюлевые половинки занавесок и мельком, как бы невзначай, мимоходом, взглянула в окно, чтобы снова расстроиться от того, что там ничего не изменилось. Она походила по комнате, открыла пузырек с лаком, потом закрыла его, потом полюбовалась на свои свеженакрашенные, яркие как конфетка, овальные ногти, поправила прическу, но ее вновь неудержимо повлекло раздвинуть тюлевые половинки занавесок и взглянуть, не изменилось ли что-нибудь во дворе. Машины послушно стояли под окном, но одно место до сих пор пустовало.

Молодая женщина (а имя ей было – Елена) выхватила розовыми пальчиками тонюсенькую розовую сигаретку из изящной миниатюрной пачки и закурила. Ее милый гладкий лобик пересекли крошечные морщинки тревоги и недоумения. Уже не первый час ожидала она своего мужа и успела соскучиться от беспокойства. Елена присела на кровать, продолжая курить, и рассеяно оглядела свою комнату. Комната была не то что бы бедна. Пожалуй, что даже и нет, но она явно требовала каких-то улучшений. Впрочем, как и вся квартира! Ах, как хотелось бы, чтобы немедленно, сию секунду, все в комнате преобразилось, само собой превратившись в новейшую гляцевую обстановку из модного журнала, который принесла вчера ее подруга. Елена представила себя утопающей в мягком бархатном кресле цвета топленого молока, с длиннющим золотым мундштуком в тонких пальчиках и в бледно-розовом шелковом пеньюаре. Ей привиделось элегантно обставленное помещение с приглушенным светом, где повсюду стоят вазы с белыми, бледно-розовыми и чайными розами, и паркетный лак блестит мягким лунным отсветом. Замечтавшись о том, как бы чудесно выглядела она, именно она, а не та противная шатенка, фото которой было помещено в журнале, Елена пропустила главное, а именно: легкий щелчок поворачивающегося в замке ключа и тихий стук открывающейся двери, что означало возвращение любимого.

Молодой мужчина был, безусловно, хорош собой. Статный блондин, высокий, с утонченными чертами лица, большими яркими серыми глазами, он неизменно производил впечатление в любой компании. Кроме того, все знали, что он – самый нежный и любящий муж на свете. «Но, конечно, с неудавшейся творческой судьбой, о да, дорогая! Я тебя уверяю! Очень перспективный поэт! Но... как жаль, что в наше время перспективным поэтам приходится служить, чтобы зарабатывать на хлеб! Ни какого уважения к культурным ценностям! Что написал? Ну, несколько стихотворений, три поэмы, правда, еще не законченные... Где публикуется??? Нигде, разумеется! Настоящие поэты пишут не ради славы! Ах, он из такой семьи! Правда, разорившейся... Но! Не будем называть имен, и предаваться отчаянию, все еще наладится, вот увидишь! Бедняжка его жена – она очаровательна, бесспорно, но глупа как пробка, хотя не такая уж она и красивая, да, особенно при повороте головы на пять шестых, вот посмотри при случае повнимательнее...»

Трепетный муж подошел к своей жене, опустил перед ней на колени и бережно взял в свои красивые руки ее маленькие прелестные ручки. Он стал смотреть в глаза Елене снизу вверх нежно, ласково, но как-то немного жалобно. Ее пыливый и напряженный взгляд заставил его глаза опустить, и сосредоточить свое внимание на ее пальчиках, которые он вначале рассматривал, потом ласково поглаживал, затем, принялся потихоньку целовать – по одному, едва касаясь губами, полуприкрыв веки и опустив голову так, что ей были видны только его лоб и длинные трепещущие ресницы.

– Дорогая, я хотел поговорить с тобой насчет одной сушей безделицы... Ты знаешь, как я люблю тебя и как я хочу, чтобы у тебя было все, что ты пожелаешь. Как бы я хотел дать тебе хоть крохи того чего ты достойна! Но родители мои черствы и не выделяют мне не гроша! А я не могу работать на дядю, пойми, у меня нет ничего общего с этими толстокожими, грубыми людьми, с этими деягами, грязными барыгами, которые не могут отличить ямба от хоря!

К концу этой тирады мужчина уже стоял посередине комнаты, выпрямившись во весь свой внушительный рост, и взгляд его явил жалобно-беззащитное выражение.

– Меня уволили. – Сообщил он, и красивые глаза его метнули две гневные серо-голубые молнии.

Глаза молодой женщины и ее безвольный пухлый ротик округлились.

– В пятый раз за последние два месяца? Но Алекс, милый, ты же обещал мне вчера новое платье, и потом, я давно хотела купить паркетный лак и...

– Паркетный лак! – патетически воскликнул Александр, заламывая руки. – Моя королева думает о каком-то паркетном лаке! Женщина, которая должна повелевать вселенной! Я не имею права жить... – глухо и задумчиво сказал он. – Я не имею права жить!

Он повторял эти слова, кружа по комнате и озираясь, как будто в поисках чего-то, спешно необходимого, до тех пор, пока в глазах его жены не отразился неподдельный страх. Внезапно он бросился к балконной двери и начал рвать ручку на себя, бормоча в исступлении: «Недостойн! Недостойн! Недостойн...» Елена попыталась схватить его за руки и остановить, но тщетно, силы были совсем не равны.

Тогда она горько и беспомощно заплакала и слезы катились, ничем не сдерживаемые из ее широко открытых глаз. Зато ее муж, похоже, совершенно успокоился. Он ласково обнял жену и жарко зашептал ей на ухо: «Элли, милая, я знаю, как заработать миллион, но... но... – тут он снова сник, – ты, наверное, не согласишься...» При слове «заработать» Елена перестала всхлипывать и, слегка отстранившись, устремила на мужа полный надежды и любви взгляд.

– Видишь ли, дорогая... – медленно начал Александр, – если бы мне удалось издать книгу, то я уверен, она разошлась бы огромными тиражами! Ты же не сомневаешься в том, что я талантливый поэт?

– Нисколько, милый! – с жаром воскликнула Елена, – ты – самый, самый...

Волнение не давало ей говорить.

– Я слышала, мнение, что ты очень перспективный поэт! – вдруг торжественно закончила она, явно цитируя вспомнившуюся из чужого разговора фразу.

– Да, да! – воодушевленно подхватил Алекс, – так говорят многие, и они верят в меня. Главное – побольше издаваться, ведь публика так глупа, она ценит только количество, не качество, Боже, как трудно быть непонятым...

Он явно приготовился сесть на своего любимого конька и объяснить, уж в который раз, как тяжело живет гению в жестоком мире, но неожиданно был прерван неромантичным вопросом своей жены: «А где ты собирался взять деньги на публикацию?»

Услышав этот приземленный текст, Александр слегка замялся, но всего на долю секунды, на крошечную, незаметную дольку, а потом, склонившись поближе к прозрачно-розовому, идеальной формы ушку, так, чтоб не видеть ни в коем случае ее глаз, заговорщически зашептал: «Мне обещал дать денег Виктор Котик».

Елена обиделась. Она отодвинулась от мужа, она даже отвернулась от него, тем более что сигареты, за которыми рука потянулась сама собой, лежали на тумбочке позади нее.

– Мне кажется, – начала Елена сухо, – что с этим шутить просто глупо...

Но закончить фразу ей не удалось. Александр быстро-быстро заговорил, так, чтобы она не могла перебить его: «Элли, любимая, все правда, это – правда, он сказал, он мне сказал, что я талантлив, и мне нужно помогать, что мне нельзя ходить на службу, а наоборот, нужно писать, писать и писать, и тогда я точно смогу прославиться, главное, что он готов мне содействовать

и он верит в меня, и еще он сказал, что молодых нужно поддерживать, что за нами – будущее искусства, а я – особенный и из меня точно выйдет толк, если я посвящу себя поэзии, и не буду расплываться на мелкие, никчемные дела, он только хочет, чтобы ты составила ему компанию на его яхте...»

Тут он внезапно замолчал, словно повернули выключатель, и повисла неожиданная тишина. Две пары глаз уставились друг на друга в упор. Завороженный ее взглядом, Алекс не мог отвести своих серых глаз от ее – прозрачно-голубых, которые стали стеклянно-неподвижными, как у куклы.

– Ты хотел сказать – чтобы мы составили компанию?

Она говорила медленно, будто возвращалась в действительность после продолжительного сна.

Но Александр уже полностью овладел собой.

– Дорогая, ну ты же знаешь, что меня безбожно укачивает!

Его голос звучал все увереннее. Чтобы обрести еще большее спокойствие, он отошел к окну, и, вынув пачку дорогих сигарет, закурил.

– Конечно, я мечтаю покататься с вами, но не могу же я предстать в разобранном виде перед спонсором! Хотя, конечно, если ты не хочешь составить компанию такому милому и благородному человеку, как Виктор, то никто не вправе тебя заставить, тем более я! Я вообще ни на что не имею права, я – ничтожество, которое обременяет любимую женщину бесконечными, глупыми просьбами, лучше уж мне пойти и устроиться грузчиком в овощной магазин, там я принесу больше пользы!

С этими словами Александр развернул газету под названием «Работа», приобретенную, кстати, его женой, и стал внимательно изучать колонки с предложениями о трудоустройстве.

Елена сидела молча, ошарашенная услышанным. Она ни за что бы не решилась поехать куда-либо без сопровождения своего любимого и защитника, но выражение унылой безысходности, застывшее на лице мужа, ранило ее в самое сердце. Она также не могла решиться на слово «нет», потому что недавно, совсем недавно Алекс рассказал ей душераздирающие подробности своего разлада с родителями которые, как он поэтически выразился, «всю жизнь подрезали ему крылья». Испугавшись, что разочарует и огорчит мужа, молодая женщина усилием воли разлепила пересохшие губы и почти прошептала: «хорошо».

Денек, однако, выдался жаркий. Сверкающая гладь залива простиралась под солнцем, переливаясь чехардой миллионов солнечных зайцев. Большая белая яхта плавно рассекала водную твердь. Ветерок обдувал лица гостей, разгоряченных разнообразием и изобилием спиртных напитков. Роскошный стол был накрыт на палубе, посреди крахмальной белоснежной скатерти красовались невиданные заморские яства в сияющем хрустале. Серебряные ведерки с шампанским помещались возле расписных блюд, придавленных фруктов изобилием. Палуба была застелена персидскими коврами, на которых, умастившись в подушках и пестрых валиках, непринужденно расположилась компания хозяев жизни. Было заметно, что в этом обществе не привыкли себе в чем-либо отказывать. Избранники судьбы были хорошо знакомы между собой, они весело болтали и смеялись так, словно путешествие длилось не одну неделю и все сплетни, интриги и измены стали уже и постоянными, и общими. Впрочем, вероятно, так оно и было, и эти тщательно сработанные красавицы и сопровождающие их мачо давно уже плыли по жизни в своем маленьком, узком VIP-кругу, усердно стараясь не выходить за рамки, очерченные волшебным кольцом определенного уровня благосостояния.

Роскошь обстановки не могла не поразить нашу героиню, которая видела подобное лишь на страницах модных журналов. Вначале она страшно испугалась незнакомой компании, сравнимой для нее с сонмом небожителей. У Елены не было знакомых в этом обществе, кроме хозяина яхты. Впрочем, его она видела прежде мельком, на каком-то поэтическом «квартир-

нике», до которых так охоч был ее муж. Виктор тогда показался ей весьма импозантным и солидным человеком. И, помнится, ее рассмешила несерьезная фамилия «Котик».

Выкурив враз три тонких розовых сигаретки, Елена немного успокоилась и принялась изучать обстановку. С детской непосредственностью оглядывала она сверкающие ряды бутылей с неизвестными напитками, вазы со свежими цветами, веселых и нарядных гостей. Долго скучать в одиночестве ей, однако, не пришлось. Сам хозяин занял место рядом с ней, галантно пытаясь заместить отсутствие личного и законного кавалера. Витя был так мил, непринужден и любезен, что молодой женщине невольно стало стыдно за вчерашние упреки, адресованные мужу. Всем известно, что он действительно не переносит даже вида водной глади! А вот же – не захотел лишать ее удовольствия и праздника. Елена растрогалась. Слезы навернулись на ее хрустально-прозрачные глаза, от сознания того, что ее любит самый лучший, самый талантливей в мире мужчина. И самый красивый, к тому же!

Тосты и веселье звенели, бурлили, не прекращаясь, переменам блюд уже все потеряли счет. Елена порядочно устала от застойной неподвижности. Поэтому, когда Виктор предложил ей осмотреть яхту, она с радостью поднялась – хотелось размяться и пройтись. Честно говоря, непривычное количество сладких пузырьков шампанского окончательно затуманили ей голову.

Внутренность плавучего предмета роскоши оказалась весьма объемной и великолепно обустроенной. Матовый блеск дерева, меди, кожи, удобство хорошо спланированного пространства – все это вызывало ощущение погружения в глянецовый рай, столь любимый трепетными барышнями. А наша Елена не была исключением и не скрывала своего восхищения обстановкой! Виктор же весьма охотно отвечал на все ее вопросы. Она заметила, что когда он улыбается, возраст и внешний лоск как будто уходят на другой план, и остается лишь искренность смущенного добродушного мальчишки. Улыбка существовала вне глянца, вне возраста и занимаемого в обществе положения, она была, пожалуй, словно из детских книжек – обезоруживающая и наивная.

Размышляя об этом необычном явлении, Елена ненадолго отвлеклась, а когда включилась снова – обнаружила себя стоящей в дверях небольшой, но весьма шикарной спальни, отделанной дубом и медью. Переступив порог, Елена замерла. Повсюду в каюте были розы – белые, розовые и чайные. Точь в точь – как в ее мечтах. Она стояла и улыбалась своим грезам. Однако щелчок замка за спиной вернул ее к действительности. Елена резко обернулась и увидела белозубую, обезоруживающую улыбку Виктора. Он сделал шаг вперед, и маленькое пространство сделалось настолько тесным, что оказалось – ей некуда отступить. Виктор взял ее за руки. Она пыталась вырваться, но не хотела шуметь – ей казалось стыдным обнаружить себя при чужих людях в такой трагикомичной и банальной ситуации. Однако Виктор несколько не смутился, а привлек ее к себе и начал целовать, невзирая на сопротивление. Молодая женщина запрокинула голову, чтобы защититься от нападения хотя бы свои пухлые розовые губки, свято хранившие верность любимому мужу. Она вертелась и извивалась, пытаясь высвободиться из сильных рук, но тщетно. Хриплым от возмущения голосом она прошипела: «Прекратите сейчас же! Вы не представляете, что с вами сделает мой муж, когда узнает!» Хватка ослабла. Елена подумала, что ей удалось одолеть противника, но тут Виктор спокойно и размеренно произнес: «А что он со мной сделает? Ничего он со мной не сделает. В данный момент он в типографии и готовит верстку своей первой книги. Но я, конечно, могу туда позвонить и сказать, что я передумал оплачивать этот заказ».

Елена вспыхнула. Глаза ее метали молнии.

– Вы подлец! – воскликнула она. – Какой же вы подлец!

– Я не подлец, мадемуазель, а бизнесмен! – сообщил, слегка нахмурившись, Котик. – Ваш муж предложил мне сделку, и я выполняю ее условия, а вот он, похоже, и не подумал сообщить вам о нашей договоренности.

– О какой еще договоренности? – голос Елены дрогнул.

– Ваш муж сказал мне, что вы не будете против... – Виктор вновь заулыбался искренне и как будто чуть виновато.

– Вы врете! – выпалила молодая женщина, позабыв об этикете.

Виктор смущенно покачал головой.

– Я не вру. Когда Алекс сказал, что вы готовы для него на все, я предложил ему сделку. Поймите, вы очень понравились мне в тот вечер, когда мы увиделись впервые, я не могу забыть вас вот уже два месяца...

Елену охватило отчаяние. Пока Виктор говорил, виновато, по-детски улыбаясь, ее отчаяние сменилось гневом на все мужские особи мира, затем смятением, после – апатией. Она устала в пол, на аккуратно уложенные дубовые доски, сияющие мягким светом дорогого матового паркетного лака, такие незыблемые в своих устоях, невозмутимые и твердые, как убеждения праведника. И вновь ее охватило отчаяние, только иное – бесшабашное, безрассудное, отчаяние человека, которому уже терять-то и нечего, просто хочется хоть как-то покуражиться напоследок, перед полным крахом микробытия в микромире. Темное чувство мести поднялось из самых глубин огорченной души и ошпарило ее всю изнутри. Внезапным движением она вскинула руки на плечи собеседнику и прервала его сбивчивую речь, прикинув губами к той самой смешной и виноватой улыбке дворового мальчишки.

Елена открыла глаза. Взгляд ее уперся в неожиданное – темный деревянный воощеный потолок. Аромат роз окутывал все вокруг. Справа маячило кольцо иллюминатора. Голова слегка кружилась – выпитое шампанское еще давало себя знать. Она лежала в одиночестве, укутанная шелковыми простынями, и силилась хоть что-то вспомнить. Внезапно страшный стыд окрасил ее и без того розовые щеки. Слезы навернулись на глаза, обжигая, словно кипятком. Сознание чего-то непоправимого, чего-то недостойного заставило ее горько разрыдаться, уткнувшись лицом в подушку. Поток раскаяния мог бы длиться вечно и превратиться в бурлящие реки слез, но в этот момент рука ее под подушкой наткнулась на нечто бархатистое и твердое. От неожиданности Елена отдернула руку и резко села в кровати. Слезы враз высохли, и любопытство, присущее котят, щенкам и барышням охватило ее всю, целиком. Она откинула подушку – большая бархатная шкатулка обнаружилась под ней. Елена бережно откинула крышечку и – бриллиантовая радуга отразилась в ее голубых глазах. Колье и серьги уютно покоились на ворсистом доньшке ларчика. Не в силах устоять перед соблазном, она на скорую руку пригладила волосы и надела драгоценности. Благо у кровати обнаружилось большое зеркало, которого она прежде и не заметила! Елена любовалась своим отражением, и уверенность в том, что именно такая обстановка и такие украшения ей к лицу и положены ей по праву рождения красавицей, крепла в ней с каждой секундой. Внезапно дверь открылась, и Виктор возник на пороге. Елена даже немного испугалась – права владения найденными сокровищами у нее не было. Но его обезоруживающая улыбка успокоила ее. Виктор поставил поднос с шампанским на столик у кровати, присел рядом и прошептал, глядя ей прямо в глаза: «Сама нашла? Умничка! Нравится? По-моему все бриллианты мира должны быть твоими!»

И тут она впервые ему улыбнулась. Улыбнулась с облегчением. И с удивлением. И уверенностью в том, что все уладится и будет очень-очень хорошо!

Молодая женщина (не сомневайтесь, это была наша Елена) находилась в комнате одна. Вот уже не в первый раз за последние два часа раздвинула она кружевные половинки занавесок и мельком, как бы невзначай, мимоходом, взглянула в окно. Знакомого авто во дворе все еще не было. Тогда она вновь принялась разбирать платья, отделяя старые от новых.

– Мадам, – раздался немолодой женский голос, – к вам гость.

– Кто там еще? – спросила мадам, несколько раздраженно.

– Он говорит, что он поэт, что принес вам в подарок свою первую книгу!

– Скажи ему, Терезита... – Елена замялась, но лишь на секунду, и голос ее сразу обрел уверенность. – Скажи, что меня нет дома!

– Но мадам, он приходил уже несколько раз и...

– Терезита! Делайте то, что я вам говорю. Меня нет дома! И не будет, сколько бы он не приходил!

Елена упрямо тряхнула головой, и крупные бриллиантовые подвески у нее в ушах закачались воинственно. Она подошла к зеркалу и улыбнулась своему отражению. Улыбаться себе было радостно. словно пузырьки от шампанского, радость наполняла все тело, делая его струящимся и невесомым. Зеркало демонстрировало самую настоящую красавицу с длиннющим золотым мундштуком в тонких пальчиках и в бледно-розовом шелковом пеньюаре, а позади – большую комнату, обставленную бархатной мебелью цвета топленого молока. Интерьер дополняли переливающиеся зеркала, хрусталь и бронза, а вазы с любимыми белыми, бледно-розовыми и чайными розами стояли повсюду, в картинном беспорядке.

Молодая женщина любовалась собой. Потом она нахмурила очаровательный лобик, пытаясь что-то вспомнить, с секунду постояла в задумчивости, а после подошла к дверям и, приоткрыв створку, крикнула в глубину анфилады: «Терезита! Сегодня придут мастера покрывать пол в бальной зале лаком! Мне нужно чтобы лак был самым блестящим, какой только можно найти! Терезита, ты слышишь меня? Это очень важно! Так, смотри, не забудь проверить!»

Девяносто девять пенсов

Сэр Эндрю Кларк Шестой пребывал в крайней степени раздражения. На совете директоров Кампании было решено: кто-то должен лететь в Москву. И этот кто-то – по обоюдному мнению Синдиката Дряхлых Белых Воротничков – почему-то должен был быть именно он. Как самый младший партнер, да, сэр!

Сэр Эндрю Кларк Шестой на протяжении своих неполных тридцати шести лет, ни разу не перемещался в сторону Востока. Запад казался ему гораздо надежнее. Что же касается России, то жизнь на этом далеком континенте казалась сэру Эндрю примерно такой же опасной, как пребывание в диких джунглях или в заснеженных краях вечной мерзлоты. Понаслышке он знал, что в Москве по улицам бродят медведи в ушанках, с водкой и гармошками, и даже фамилия нынешнего предводителя тамошних аборигенов – Медведев.

Несчастья повалились на сэра Эндрю, словно из рога изобилия с той поры, как его папаша – сэр Эндрю Кларк Пятый проиграл в покер все наследство предыдущих поколений подчистую, и, не оставив сыну ничего, кроме титула и долгов, отправился вслед за теми, кто это наследство упорно наживал многолетними биржевыми махинациями. А посему, сэр Эндрю Кларк Шестой, баронет и эсквайр, в прошлом – баловень судьбы, а ныне всего лишь обычный человек, не имеющий даже личного слуги, вынужден был подчиняться дурацким указаниям Синдиката Дряхлых Белых Воротничков.

Чертыхаясь на чем свет стоит, сэр Эндрю Кларк Шестой вытащил на свет божий ничем не примечательный темно-синий чемодан и начал собираться в дорогу.

Алка дрожащими руками напряженно выгребала из карманов завалившуюся там лондонскую мелочь. И терзало ее жуткое похмелье после празднования «Последнего Дня Отпуска В Англии». Деньги были профуканы все, абсолютно, «эпсэлютли», как тут в Британии говорят. Пересчитав скудные гроши, Алка решила не унывать. На кофе и завтрак в аэропорту хватит, выпивку в самолете бесплатно подают, а в родной Москве можно снова настрелять денег в долг и спокойно отмечать «Первый День Прибытия На Родину После Отпуска В Англии».

Чемодан был тяжел, словно набит кирпичами, а голова казалась наполненной шипами кактуса. Стоя в аэропорту Хитроу в очереди на регистрацию, Алка считала минуты, когда можно будет, наконец, добраться до заветного прилавка с «кофиём». Впереди меланхолично читал газету молодежавый «инглиш». Такого с нашими не спутаешь: прилизанный, причесанный, в светло-серо-жемчужном верблюжьем пальто и шарфике в тон, а главное – в белых замшевых ботинках! Во, кретин, думала Алка, вяло разглядывая мужика, это в Москву-то, да в межсезонье, в нашу грязь и слякоть... Плакали твои ботиночки... Бросив взгляд на багаж британского чудака, состоявший из одного единственного чемодана, Алка заметила симпатичный оранжевый замочек и встрепенулась: замочек-то! Несколько дней назад она приобрела хорошенький блестящий никелированный замочек для багажа в популярном среди ее зарубежных подруг магазине «99 пенсов». Не очень доверяя товарам китайского производства даже здесь, в Англии, Алка все же пошла на поводу – местные подружки уверяли ее, что «Китай для Англии – это совсем не то, что Китай для вашей России». И снисходительно так улыбались. И Алка решила: ладно. Замочек пусть будет в их пользу, все равно он понадобится, да и трата невелика. С трудом выудив упаковку с замком из бездонной женской сумочки, Алка, преодолевая нещадный тремор в пальцах, стала вскрывать пластмассовую упаковку. Когда же ей, наконец, удалось содрать прозрачную шелуху, удивлению ее не было предела. Вместо дырочки для дужки, в замке не было ничего. То есть дужка была, но дырочки, куда ее вставлять, чтоб замок закрыть – не было! Немало изумляясь такому неожиданному ходу великой китайской мысли, Алка, на своем наипаршивейшем английском попросила стоящего впереди нее того

самого «инглиша» последить за ее чемоданом, и помчалась напрямик в ближайший киоск, дабы приобрести замок в рабочем состоянии. По счастью, нужное тут же и нашлось. Выбор, правда, был невелик, но оранжевый швейцарский замочек вполне Алку устраивал. Потому что, глядя на марку страны-производителя, не возникало и тени сомнений по поводу исправности сего механизма. Вернувшись в очередь, Алка поблагодарила соседа и принялась прилаживать попку к чемодану. «Инглиш» буркнул из-за газеты: «велкам», но Алке уже было наплевать на его малое дружелюбие, близилась стойка регистрации, а за ней – избавление от багажа и заветный буфет, где можно, наконец, пропустить кружечку горячего кофейку, на время унять похмельный тремор и гул в бедовой голове. На паспортном контроле Алка обскакала меланхоличного и медлительного «инглиша» – тому, видно спешить было некуда – и устремила к буфетной стойке.

– Будьте добры, кофе, – начала было она, но спохватившись, что тут еще совсем даже не Москва, спешно поправилась: – Э кап оф кофе, плиз.

Сзади послышались смешки, но Алка, не обращая внимания, ухватила теплый бумажный стаканчик, пристроилась за столик.

– Ты откуда? То есть – куда? – раздалось над ухом.

Двое симпатичных парней стояли и разглядывали ее.

– В Москву, – ответила Алка. – Из Москвы!

И все втроем рассмеялись. Оказалось – летят они одним и тем же рейсом. Алка обрадовалась – не придется скучать в поднебесье.

В салоне самолета ее новые знакомцы развили бурную деятельность. Они умело обменяли места, чтобы ей оказаться с ними рядом. Они заказали напитков и закуски в бортовом магазине. Они готовились к полету всерьез, они не хотели терять ни минуты драгоценного времени. И понеслось – поехало! Коньяк греческий, шампанское французское. Шутки-прибаутки... Алка хохотала как безумная. Ребята оказались такими милыми! К тому же намечался роман – тот который сидел рядом, недвусмысленно брал ее за руку при любом удобном случае. Поскольку ничего серьезного в Лондоне Алке зацепить не удалось, а в Москве, кроме двух «бывших» ее никто не ждал, она сочла новые знакомства самыми благоприятными обстоятельствами.

Сэр Эндрю Кларк Шестой безуспешно пытался заснуть в самолете. Безумные русские, коих в летающем бараке набралось подавляющее большинство, скупили, похоже, весь бар и решили, вероятно, выпить приобретенное непременно здесь, на борту. Шум и гам стоял как в королевском птичнике, девчонки хохотали визгливо, будто гиены, а почтенные, казалось бы, матроны, поминутно сновали по узкому проходу в туалет и обратно, утирая покрасневшие, опухшие лица. Сэр Эндрю отгородился от этого балагана газетой. Предвкушая еще два часа лету в ликующем зверинце, он вновь и вновь нещадно костерил Синдикат Дряхлых Белых Воротничков.

Саму посадку Алка не запомнила – увлеченно целовалась с соседом. Но пограничный контроль прошла, собравшись из последних сил и с трудом подавляя глупое хихиканье. У ленты с багажом Алка вновь заметила хмурого «инглиша» в белых ботах. Тот уныло взирал на ползущие чемоданы, дожидаясь своего. Отметив про себя, что не зря говорят насчет иностранцев, будто все они – зануды, Алка, при помощи новоиспеченного кавалера ухватила свой синий чемодан, горделиво сияющий оранжевым фонариком нового замочка, и устремила на выход, где ее ожидали приятные приключения с непременными застольями. На улице решали – как и куда ехать, в итоге получилось: Алка и Максим (новый ухажер) поедут прямо к ней, а Коля приедет попозже – ему нужно непременно заскочить домой на минутку.

Сэр Эндрю Кларк Шестой недоуменно смотрел на медленную багажную ленту, по которой уже в который раз прополз единственный оставшийся невостребованным чемодан. Видно, какой-то пьянчуга так и уехал домой без багажа. Однако его собственного чемодана не наблюдалось нигде! Куда же мог подеваться чемодан сэра Эндрю? Сомнений не было – его сперли! Чего и следовало ожидать! В дикой стране, с медведями, упившимися водкой, где царит безобразие и беззаконие, у любого приличного человека могут запросто увести чемодан, причем, прямым из самолета.

Сэр Эндрю обреченно вздохнул и пошел искать представителей местных властей.

По дороге домой Алка и Максим посетили продуктовый магазин и затарились на славу. Вечер обещал быть весьма томным. О дружочке Николае они уже думать забыли и целовались в лифте с нетерпением, присущим лишь только что познакомившимся парочкам. Ворвавшись в квартиру, они засуетились, как преступники у свежего трупа. Однако, Алке захотелось все же сначала блеснуть перед Максимом во всей красе парадно-выходного платья, прежде чем показаться кавалеру без оногo. Платье мирно покоилось в чемодане, Алка вытащила из сумки ключик с целью открыть новенький замок. Однако ключик никак не желал попадать в предназначенное ему гнездо. Алка призвала на помощь Максима – и все безрезультатно. Ключ и отверстие замка не совпадали! С Алки слетел последний хмель, романтика обстановки улетучивалась как ненадежный утренний туман. Потные, покрасневшие от тщетных усилий и злые, сидели они нелепо на корточках возле заколдованного чемодана.

– Слушай, а это вообще, твой чемодан? – внезапно спросил Максим, закуривая сигарету.

– А чей он, по-твоему? – мгновенно завелась Алка и осеклась. Присматривалась она к чемодану все внимательней и спина ее холодела. Чемодан был темно-синий и квадратный. А собственный, Алкин, был, как помнится, суженный кверху и довольно яркий – цвета, так называемой «берлинской лазури». Оранжевый же, новехонький замочек, по которому собственно и был чемодан опознан Алкой в аэропорту, задорно торчал, словно дразнящийся высунутый язык.

Сэр Эндрю Кларк Шестой на своем безупречном английском языке уже битый час пытался объяснить непредсказуемо меняющимся дежурным теткам в синих почему-то передниках, ситуацию с пропажей чемодана. Но видно тетки попадались все какие-то не те, так как пугались незнакомого языка и убегали, со страхом поглядывая на белые боты сэра Эндрю. Наконец, одна из них, украшенная гербовыми значками, распознала-таки слово «леггидж», то есть «багаж» и повела его по длинным коридорам куда-то в глубинные недра аэропорта. Втолкнув, весьма непочтительно, сэра Эндрю в комнату, сплошь заваленную различной конфигурации предметами: чемоданами, баулами, сумками, мешками, кутулями различных длин и объемов, коробками, тубусами, пластиковыми кейсами... Несколько гитарных чехлов томилась тут же. Даже валторна, позабытая нерадивым хозяином, свернулась клубком в углу, будто мелкий одинокий удав. За столом под светлым пятном согнутой в три погибели лампы, восседала очередная служащая в гербах. Бумажные горы, покрывающие стол, не мешали, однако, даме закусывать жирным кремовым тортом. Авиарботница с аппетитом жевала, запивая сладкое масляное месиво чаем из огромнейшей не очень чистой кружки. Дама посмотрела на сэра Эндрю с отвращением.

– Вам что, гражданин? – прозвучали непонятные слова.

На своем безупречном английском сэр Эндрю вновь начал объяснять ситуацию с чемоданом. Дама с удивлением вытаращила глаза и заорала как потерпевшая:

– Маня!! Маань!

Сэр Эндрю начал было извиняться, думая, что чем-то испугал чревоугодливую аборигеншу, но тут явилась еще одна особа женского пола, вероятно Маня.

Далее диалог шел на непонятном сэру Эндрю Кларку Шестому русском языке.

– Чего звали, Тамар Никитишна?

– Да тут какой-то иноземец заблудился! И носит их, что дома не сидится? Узнай, что он хочет.

– А на каком языке-то он говорит?

– А я почем знаю? Английский вроде!

– Да я Тамар Никитишна, «инглиш»-то не очень, в школе «дойч» учили!

– Так и я «дойч» – будь он неладен. А все одно – не помню ни хрена! А в нашей смене кто инглишу-то спикает?

– Да какое там!.. У Ленки дочка заболела, Райка пораньше отпросилась – свекруху из Козлищенска встречать нужно...

– Так что ж делать-то с ним? Сам не уйдет!

– Ладно, попробую я, – сжалилась Маня.

– И то дело! А я пока Толику позвоню, с милиции нашей, он вроде инглиш знает, как встречу его – так – то «бай», то «хелло» говорит.

Тамара Никитишна начала яростно тыкать в телефонные кнопки, а Маня тем временем обернулась к сэру Эндрю.

– Вот ду ю вонт? – с трудом выдавила она из мозговой подкорки вопрос.

Услышав родную речь, хоть и сильно искаженную, сэр Эндрю на радостях разразился длинной и пространной тирадой, повествуя обо всех своих злоключениях.

Маня, с застывшей от ужаса и непонимания улыбкой, кивала как китайский болванчик.

Сэр Эндрю Кларк Шестой закончил речь и в ожидании воззрился на Маню. Та мычала нечто невнятное. Неизвестно, чем закончился бы сей диалог, но тут дверь растворилась, и в комнату проник милиционер по самой что ни на есть «по форме». С его появлением стало значительно меньше пространства – мужик был весьма крупный, розовощекий, пышущий здоровьем и деревенской радостью.

– Чего тут у вас, Тамар Никитишна? – весело пробасил детина, возвышаясь горой над худощавой и невысокой личностью потомственного аристократа сэра Эндрю Кларка Шестого.

– Так вот, британец потерялся! Ты поговори с ним, умеешь ведь!

Детина обрадовался как ребенок. Мощной лапой он огреб сэра Эндрю за плечо и заорал жизнерадостно ему прямо в ухо: «Хау ду ю ду, камарад! Ду ю лайк ауэр сити Москау??»

От этих завываний сэр Эндрю потерялся окончательно. Холодный пот пробил его, когда он представил себе картину, как этот неандерталец поволочет его в тюрьму ни за что ни про что. И сэр Эндрю зачастил скороговоркой, обращаясь к служителю порядка, убеждая его в том, что он ни в чем не виноват, а наоборот, неизвестное лицо украло у него, сэра Эндрю чемодан...

Милиционер слушал внимательно, не перебивал и кивал одобрительно, с пониманием.

– Неужто, наконец, мои мучения закончатся? – мелькнула зыбкая надежда в сердце неудачливого баронета.

Но судьба не была благосклонна в тот день к сэру Эндрю, потому как вскоре выяснилось, что бравый вояка тоже ничегошеньки не понимает из того, что ему говорят...

Алка, чертыхаясь, перла чемодан по московской слякотной грязи. Кавалера под названием «Максим» как ветром сдуло, когда выяснилось, что она умыкнула из аэропорта чей-то неизвестный чемодан. И неважно, что случайно... Мало ли что... Алка выслушала эту жалкую тираду и с презрением выгнала самолетного приятеля вон. «Так тебе и надо! – ругала она себя, – Разве может получиться что-то путное с тем, с кем знакомишься в транспорте?» И, схватив чемодан, она поволокла его обратно, в аэропорт, дабы обменять на свой собственный.

Преодолев кордоны и преграды, Алка, злая и запыхавшаяся ворвалась в уже известную нам комнату хранения утерянного багажа, и с порога заорала: «Я перепутала чемоданы!»

Четыре головы враз повернулись на ее призыв ко вниманию. И восемь пар глаз смотрели с надеждой утопающих, увидевших шлюпку. Алка выдвинула чемодан вперед. Один из четырех бросился к нему, как к родному дяде, и Алка узнала в человеке того самого манерного «инглиша» в белых ботах! Так вот чей чемодан она увезла случайно! Жалость прихлынула к доброму женскому сердцу чистейшей славянской породы. Живо представила она, как бедняга «инглиш», не умея сказать ни слова на нормальном русском языке, пытался по своему, по-тарабарски, объяснить нашим про этот идиотский чемодан! А наши-то и по-нашему иной раз не очень кумекают, а тут и вообще! И Алка, собрав весь свой скудный словарный запас английских слов начала горячо извиняться. Сэр Эндрю Кларк Шестой, услышав вновь родную речь, не смог больше сдержать своих чувств. Он бросился на шею Алке, забыв начисто правила поведения истинных джентльменов в обществе, и бурно зарыдал.

Сэр Эндрю Кларк Шестой, натерпевшись бед, но благополучно возвратившись на Родину, поставил строгое условие Синдикату Дряхлых Белых Воротничков: он наотрез оказывается летать на Восток. Куда угодно, на какой угодно срок, любые дела, но только не восточный сектор, да, сэр!

Ну, а Алка... Что ж, она, как истинная леди, никогда и ни в чем не перечит своему мужу!

Письмо для Коломбины

Были времена, когда они встречались часто.

И, каждый раз, при виде нее, его сердце начинало биться сильнее.

Он принимал всерьез все ее выходки, даже те, которые сама она всерьез не воспринимала.

Он говорил: «Коломбине дозволено все». И назидательно прибавлял: «Кроме любви!»

Она смеялась и целовала его в лоб, а иногда и в губы. Потому что ей казалось – уж она-то точно знает, кому любовь дозволена.

Прошло время.

Они стали встречаться реже.

Но при виде нее, как и прежде, его сердце начинало биться сильнее.

Он предлагал ей турпоходы, термос с чаем и коньяк из железной самодельной фляжки.

А она хохотала в ответ и уходила красоваться в ресторанных залах, пила там шампанское и курила тонкие сигаретки, поместив их в длиннющий мундштук.

Шли годы.

Теперь они встречались чрезвычайно редко!

Но сердце его, при встрече с ней, как и прежде, билось часто-часто.

Как-то раз в отчаянии он крикнул: «До фотомодели ты все же не дотянула!»

А она улыбнулась ему и сказала: «Какой же ты стал сварливый!» И погладила его по щеке.

Лет десять они не встречались. И вот, однажды, возвратившись из дальних странствий, она обнаружила в почтовом ящике письмо. В наше время так редко посылают настоящие письма. А это письмо было от него. Удивленная, она вскрыла конверт и прочла:

«Прими мои искренние уверения в совершеннейшем к тебе уважении. Таких женщин, как ты, я за всю свою жизнь встречал не много, а если быть точным, то не встречал НИКОГДА! Считаю это объяснением в любви, а также изъявлением надежды на продолжение нашей дружбы. Для меня ты всегда – все та же Коломбина».

Прочитав письмо, она аккуратно убрала его обратно в конверт, и, задумчиво улыбаясь, пошла домой. Теперь по вечерам она вынимала письмо из конверта и перечитывала его. А иногда и нежно поглаживала ладонью.

И вот, они снова встретились. При виде нее сердце его забилося сильно-сильно. Но он ни словом не обмолвился о письме. Она тоже избегала этой темы. Они поболтали о прошлом – с видимым удовольствием. Потом о настоящем – посетовали на обстоятельства. И о будущем – несколько напряженно и настороженно. И разошлись, пообещав друг другу новые встречи.

Вероятно, до следующего письма.

Цикл «закон непротиворечия»

Бумажный человек

– Ну что, гражданочка Воскресенская? Вспомнили еще что-нибудь, или нет?

– Простите, но я в прошлый раз рассказала вам все, что знала. У меня нет о нем никаких известий!

– Как же так получается, гражданочка? У вас муж сбежал, а вы ничего не знаете. Разве так в советской семье советские люди относятся друг к другу? Вы что же, не интересовались делами вашего мужа?

– А что я могла знать? – Лидия Сергеевна чувствует себя крошечной и ничтожной в мрачном тесном кабинете. Слезы стоят уже где-то у самых глаз. Только не здесь, Господи, не сейчас!

– Я зачитаю вам сейчас показания сослуживцев, бывших с вашим мужем на конференции в Великобритании. Они утверждают, что он еще в прошлой поездке постоянно общался с представителями вражеских капиталистических стран. А ведь тогда вы ездили вместе с ним!

– Я вам клянусь, что ничего не знаю! Для меня побег моего мужа за границу был страшным и неожиданным ударом. Я говорила это на трех предыдущих...

Лидия Сергеевна запнулась. Она не могла заставить себя выговорить слово «допросах». «Одеться нужно было по-другому», – метнулась запоздалая мысль, словно вспугнутый мышонок. Привыкшая всегда быть нарядной, Лидия Сергеевна внезапно с предельной ясностью почувствовала несоответствие своего модного заграничного костюма из кожи «лаке» и грязно-зелено-коричневых бесформенных мундиров собеседников. Сотрудники смотрели на нее спокойно и выжидающе грязно-зелено-коричневыми, под цвет кителей, глазами. Так смотрит богомол на свою жертву – с полным безразличием и сознанием своего неизбежного превосходства.

Чтобы не встречаться с этими глазами, Лидия Сергеевна уставилась в стену. Забыла! Плакат на этой стене еще в прошлый раз заставил ее дрожать от страха. Изображенный на нем бумажный человек сминаясь под напором громадного кулака, на котором было написано: «Будьте бдительны!». Тело человека было испещрено словами «шпионаж», «диверсия» «вредительство» и «провокация». Ужас, стоявший в глазах у человека, был сродни ужасу, теснившемуся в сердце у Лидии Сергеевны – всепоглощающий и безнадежный. Лицо человека казалось ей собственным зеркальным отражением. Такое же белое и испуганное. Но смотреть на мучителей было еще хуже.

– Зря вы запираетесь, Лидия Сергеевна. Мы ведь все равно обо всем узнаем. Да мы и так знаем. Мама у вас на пенсии. Дочка недавно в школу пошла. На работе у вас уже неприятности. И это понятно! Статистика, уважаемая Лидия Сергеевна! Показатели! Директору вашему зачем себя под подозрение подставлять, а? За укрывательство предателей Родины...

– Я не предательница! Я никогда не предавала Родину! Да, я ездила с мужем в заграничную командировку! Но мне же официальное разрешение дали! Да вы же сами, ваши сотрудники...

– Спокойнее, спокойнее, уважаемая Лидия Сергеевна! Мы помочь хотим вам. Жалеем вас. А вы так к нам относитесь. Голос повышаете. Нехорошо. Да, мы давали вам разрешение. Да, мы проверяли вас и вашего мужа. А в итоге? Что? Человек, казавшийся благонадежным, с хорошими показателями, вдруг – раз! И остается во вражеском капиталистическом лагере. А вы запираетесь. Не хотите нам рассказать, как все было.

– Я не запираюсь. Я действительно ничего не знала! Я ждала его из аэропорта, собрались гости, я пирог испекла...

Лидия Сергеевна опустила голову очень низко к столу, делая вид, что изучает микротрещинки – кору старого облупившегося лака. Пальцы ее вцепились в сумочку, и вся она сгорбилась, скукожилась, стараясь, стать еще меньше, еще незаметнее.

Но яркий круг лампы не отпускал, накрывал ее с головой, будто белого клоуна на арене – в пудре и слезах.

– Ну, вот опять. Слезами тут не поможешь, Лидия Сергеевна. А помочь можно, только рассказав нам, с кем и о чем ваш муж договаривался в прошлую поездку. Имена его друзей, контакты?

– Не знаю! Ах, ничего я не знаю, ну поверьте мне, ну пожалуйста!

– Вот так жена советского гражданина! «Не знаю»! Разве не должен каждый помнить, что враг не дремлет, что нужно быть бдительной? Из-за такой жены, как вы, ваш муж, советский человек, гражданин, попал в лапы агентов капиталистической пропаганды! Погнался за наживой. За долларом! Предал святое дело строителей мирового коммунизма. И вы думаете, на вас нет пятна? Вы ошибаетесь! Ваше «не знаю» – преступно. Вы должны были вовремя обратить внимание на разложенческие настроения вашего мужа, привлечь общественность, в конце концов! А вы предпочитали «не знать». А может, вы нас просто морочите? Укрываете своего мужа, а сами только и думаете, как перебраться к нему?

– Нет, нет, нет, я не думаю, как я могу, у меня мама, дочка, куда перебраться, как можно?

– Мы хотим вам помочь Лидия Сергеевна! Вы же понимаете, как сложно вам будет, специалисту с такой высокой квалификацией, оставить вашу профессию и пойти, к примеру, дворником или уборщицей? С таким пятном на биографии никуда вас больше не возьмут.

Лидия Сергеевна похолодела. Лишиться любимой работы для нее было невыносимо. Даже одно упоминание об этом приводило в ужас.

– Подумайте обо всем, Лидия Сергеевна. Хорошенько подумайте. До новой нашей встречи. До скорой встречи!

Получив подписанный пропуск на выход, Лидия Сергеевна обожженным мотыльком метнулась к дверям. Огромным усилием воли она заставила себя прошептать: «До свидания». Но уже в дверях ее вновь окликнули.

– Лидия Сергеевна!

Она резко повернулась, зашаталась на высоких каблуках, и чуть было не упала.

– Лидия Сергеевна. А вы знаете, кто еще совершил предательство по отношению к Родине вместе с вашим мужем?

Она молчала. Он тянул паузу. Затем громко, припечатывая каждое слово, как пощечину: «Младший научный сотрудник Бойко Татьяна Викторовна. Двадцати пяти лет. До свидания».

Коммунальный коридор

Прежде чем пуститься в путешествие по необъятным закоулкам коммунальной квартиры, нужно остороженько выглянуть из комнаты и посмотреть, не идет ли в кухню злющая бабка Елизавета Власьева. А иначе – пропало катание на скользких паркетинках, ежели ей на дороге попадешься. В навечно засаленном халате, с тюрбаном на голове, сооруженном из свалывшегося пухового платка («давление мучает, зараза!»), она важно шествует с кастрюлями наперевес, и лицо ее с поджатыми в нитку губами, перекошенное ненавистью ко всему на свете, изжелта-бледное и одутловатое парит в полутьме коридора. Елизавета Власьевна привычно недовольна: на общей кухне она извергает сто слов в минуту, уличая соседей в разнообразных, но непременно смертных грехах. «Свет в туалете не гасят, убираются нерадиво, шумят, музыку крутят до полуночи, детей балуют, одеваются как черте что, готовят что попало...»

Однако, путь свободен: страшная Елизавета Власьевна достигла кухонного помещения, и можно смело вылезать в длиннющую коридорную кишку. Ну, во-первых, на сундуке посидеть. Сундук – громадный кованый бабушкин сундук – стоит ровно под телефонным аппаратом, чей черный корпус четким силуэтом выделяется на серо-желтых засаленных обоях, сплошь испещренных номерами, неизвестными, давно забытыми. Жильцы коммунальной квартиры садятся по очереди на бабушкин сундук и звонят куда-то. И вечно спорят о том, кому нужнее срочно позвонить и кто «слишком долго занимает общественный аппарат». Но это происходит вечером, после рабочего дня, а сейчас, когда все на службе, можно уютно устроиться на сундуке, и помечтать, и представить, как здесь все было устроено раньше. Аська знает, что прежде квартира целиком принадлежала бабушке. Вернее, ее маме, а потом уже бабушке. И коридора этого заваленного ненужным хламом, страшного, узкого, темного, словно путь в преисподнюю, вовсе и не было, а тянулась светлая и радостная анфилада бесконечных, изящно убранных комнат... Но об этом никому говорить нельзя! И двери анфиладные заклеены обоями. Сложно понять – почему. А еще сложнее понять, отчего нынче в бабушкиной квартире живут посторонние люди – целых двадцать человек в пяти комнатах, а у бабушки осталась лишь одна, разгороженная самодельными тощими перегородками на «пенальцы». И в этих пенальцах – бабушка, мамуля, папа и сама Аська. А эти самые посторонние, что вселены на бабушкину площадь, все время командуют. Мамуля их сторонится, а бабушка – нет, бабушка всех любит, для каждого найдется у нее доброе слово и ласковый взгляд.

Аська сползает с сундука. Дальнейшее путешествие по общему коридору все опаснее, и страх сладко подсасывает под ложечкой. Ежели удастся пройти до конца и никого не встретить, то получится покататься на натертом до блеска мастикой дубовом паркете. Пока страшная бабка Елизавета Власьевна готовит в кухне обед и ругается на соседей, ее муж, хмурый дед Андрей (мамочка говорит – доносчик и кляузник), мирно спит в ожидании трапезы. Аська побывала как-то с бабушкой на занимаемых ими метрах: повсюду полированная мебель, пестрые половики и белые, вышитые цветными нитками салфеточки. Особенно поразила Аську кровать. Высокая, блестящая, с железными шариками в изголовье, она была покрыта белоснежным кружевным покрывалом, а сверху громоздилась целая пирамида подушек в кружевных же наволочках.

Такая же в точности кровать, но покрытая двумя черными от грязи перинами, у другой соседки: бородатой и бородавчатой старухи – тети Ньюши. Эта тетка Ньюша – притча во языцех и предмет бесконечных насмешек мамочки и ее изящных подружек. Явилась Ньюша из глухой деревни, поступила на фабрику и была подселена, среди прочих трудящихся нужного происхождения, на бабушкину жилплощадь. Это когда бабушку «уплотняли». То есть делили ее квартиру, завещанную отцом и мамой, на каморки для чужих людей. Аська плохо понимает, почему это произошло, но забавные истории про глупую тетю Ньюшу ей нравятся. Особенно

про то, как тетя Нюша в ЖЭК на политинформацию ходила. Вернулась она с горящими глазами и на кухне восторженно повествовала, будто лектор, ученый человек, говорил: «Нашли в пустыне двадцать пять Бакинских комиссаров, и все раком зараженные». Тут мамочка с подружками начинают хохотать столь заразительно и долго, что Аська, которая ни слова из истории не поняла, поневоле смеется вместе с ними.

Комната тети Нюши – самый крошечный пеналец в квартире. Это помещение больше похоже на гроб, чем на комнату. Однако во всем имеются свои плюсы – можно не вставая с кровати протянуть руку и достать любой необходимый предмет. А Нюша – добрая душа и всегда угощает чаем с карамельками. Аська с удовольствием просиживает долгие часы у нее в каморке и слушает веселую старушечью болтовню. Даже ночует там несколько раз, когда у родителей поздние гости и танцы. Но дружба с тетей Нюшей обрывается внезапно: мамочка обнаруживает на руке у дочери красные пятнышки и немедленно бьет тревогу – в квартире завелись клопы! Вскоре выяснилось, что клопов развела милейшая грязнуля тетя Нюша. Две недели все жильцы, забыв про привычные междоусобные свары, в благородном единении понося легкомысленную бабусю, промазывали склизким и серым хозяйственным мылом каждый потаенный уголок мебели и каждый шов на обоях. Но тщетно. Сытый и пьяный клоп днем насмешливо таился в щелях, а ночью вновь яростно вгрызался в людские тела. С огромным трудом была добыта профессиональная и весьма дорогостоящая «морильщица», залившая недра квартиры невероятно вонючей желтой липкой жижей. На комнату тети Нюши пришлось скидываться всем миром: у нее денег отродясь не водилось, а лично ей клопы и не мешали, привычная к насекомым толстокожая бабка их вовсе не замечала. Наругавшись вдоволь и убедившись, что клопы ушли и, похоже, не вернуться, квартира ненадолго успокаивается. Но отныне вход к тете Нюше Аське строжайше запрещен: мало ли, какую заразу подцепит ребенок в рассаднике антисанитарии.

Далее, по ходу коридорной кишки – страшные комнаты горького пьяницы, столяра дядьки Коли. У него грубое красное, словно вырубленное из дерева лицо и невнятная речь. Днем его бояться нечего – на работе до шести, как штык. Бабушка говорит: «Золотые руки, а ежели не пил бы, так цены бы ему не было». Это – правда: когда дядька трезвый, то молчит и чинит все, что попросят. Но обычно он пьян и злобен, ругает город и городских, вспоминает родную деревню, тоскуя и злобясь, и, озверев, гоняется с ножом за своей тихой и работающей женой Фроськой.

Еще дальше – комната вечно пустующая, ее жильцы работают на севере. Соседи, упоминая о них, кривят рты и цедят: «За длинным рублем подались, а площадь простаивает».

И, наконец, последняя дверь, за которой – «хоромы»: целых три просторных комнаты, принадлежащие пожилой музыкантше тете Зое. Тетю Зою Аська обожает: она добрая, учит нотам и дает побренчать по желтым клавишам лаковобоккого черного рояля. А еще она все-

гда угощает шоколадками и дарит маленькие красивые подарочки. Аська почти каждый день «пасется» (так говорит бабушка) у милой тети Зои. Детей-то в квартире больше нет, вот Аська и мыкается одна. Изредка Елизавете Власьевне «подкидывают» внучку Олю, Аськину ровесницу. Но поиграть обычно не удастся. Оленьку из комнаты не выпускают, а за обедом заставляют оставаться за столом, пока не доест. Оленька терпеливо высидивает часы, но одолеть бабкины харчи ей вовсе невозможно, и заканчивается все это обычно одним и тем же: бедняжку тошнит непрожеванной пищей, за что Елизавета Власьевна долго и нудно распекает воспитанницу на все корки. Тут, не дай бог под руку попасть – и тебе достанется на орехи.

Однако, похоже, сегодня повезло – все двери стоят молчаливо и Аська решается. Она разбегается и скользит далеко-далеко на подошвах войлочных тапок по натертому паркету коридора, словно по ледяной дорожке.

Мадам Прето

В огромном доме мадам Прето с этажа на этаж нужно перемещаться в лифте! А управляет им добрый пожилой дяденька в специальной нарядной одежде. Просторный, отделанный деревом и украшенный зеркалами лифт содержит в себе прелестные красные бархатные диванчики! Аська впервые видит такую диковину. В Ленинграде, чтобы попасть к себе в квартиру, нужно взбираться пешком на пятый этаж. Правда, у бабушкиной сестры, тети Лики, есть лифт, но совсем другой! Он крошечный – с трудом помещаются двое, очень вонючий и страшно-престрашно скрипит. Аська всегда боялась того лифта – после него ей снились кошмары: будто бы кабинка срывается и падает, и она, Аська, летит, запертая в этой каморке, в темноту, в никуда, в никуда... Просыпалась после этого сна, дрожа от страха и в слезах. Но в доме мадам Прето лифт совсем не такой! На полу толстый красный – в тон диванчикам – ковер, и пахнет потрясающе. Пока поднимаешься, можно посидеть и послушать ласковое подшучивание лифтера. Вот он останавливает лифт, открывает красивую узорчатую решетку-дверь и выпускает тебя в столовую, завтракать.

– Бон аппетит! – говорит он вслед и улетает вниз, на первый этаж.

За большим, накрытым белоснежной скатертью столом, уже сидят и улыбаются мадам Прето и ее муж Франсуа. Они – полная противоположность друг другу внешне, но абсолютно согласны друг с другом во всем. Мадам – кругленькая, маленькая, очень молодящаяся пожилая дама с внушительным бюстом и крошечными ножками. Одета она всегда в умопомрачительные кружевные, парчовые, газовые платья, декольтированные самым пикантным образом со всех сторон. Идеальной формы, розовые с перламутром ногти (предмет особой зависти: у Аски ногти вечно обгрызены, а под ними – черная каёмочка, как ни отмывай!). Величественная прическа (прямо с раннего утра!) и, конечно – туфельки – бисерные, шелковые, расшитые цветами, золотые, серебряные – мадам меняет их по нескольку раз в день, вместе с платьями. Аська называет их «Золушкины туфельки», а мамочка почему-то смеется над нарядами мадам Прето, говорит, они вычурные и безвкусные.

Муж мадам, Франсуа, тоже одет с иголочки. Высокий, подтянутый, темные волосы с проседью гладко зачесаны, всегда в безукоризненной белой рубашке и при костюме – утром в светлом, а вечером в темном. У пожилой пары нет детей. Они поглощены собой и постоянно делают друг другу подарки: кругосветное путешествие, украшения, новшества для дома или просто милые пустячки. Они обожают вечеринки, приемы и разъезды, вот почему мадам Прето охотно приглашает малышку-Аську погостить несколько дней: это лишний повод вновь объехать всех знакомых вместе с девочкой.

За завтраком мадам Прето не умолкает ни на минуту: рассказывает, как вчера ездила по магазинам, что видела и что купила. Франсуа и Аська слушают ее веселую болтовню и улыбаются. Тихие слуги подают свежайшие круассаны, масло, джем, кофе со сливками (традиционный французский завтрак) – и непременно, специально для Аски – вкуснейшие пирожные. Сверкает серебро кофейника, скачут веселые солнечные зайчата в изгибах маленьких ложечек, белоснежные полотняные салфетки укутывают тонкий французский батон – «багет» с невыносимо аппетитной и румяной хрустящей корочкой. Фарфоровые, нежно-розовые чашечки так тонки, что буквально просвечивают насквозь, Аська все время боится раздавить какую-нибудь из них пухлыми неловкими ручками. Свет из огромных блестящих окон заливает столовую, в углу которой величественно возвышается резной дубовый буфет, сверкающий начищенными бронзовыми ручками и намытыми цветными стеклышками. Подобный, кстати, стоит у Аски дома в ленинградской коммуналке, и она ощущает некое радостное единение с гостеприимными хозяевами от обладания схожими предметами. После завтрака выходят на балкон. Франсуа курит тоненькие светлые сигары, мадам Прето без умолку болтает, а Аська смотрит вниз,

на ухоженный сад с прудами, мостиками и дорожками. В этот час уже трудятся садовники, подстригают кусты.

– В новом сезоне модны геометрические фигуры, – комментирует их действия мадам Прето.

И тут же рассказывает про своего знакомого, который приказал весь свой сад превратить в подобие громадной шахматной доски с фигурами – она предлагает поехать и посмотреть, что получилось. Франсуа благосклонно кивает, глядя на дымок своей сигары. Он никогда не спорит с женой. А мамочка говорит: «Было бы глупо спорить с миллионом долларов!» Дело в том, что мадам Прето – несметная богачка. А Франсуа – всего лишь ее муж. Так говорят взрослые, но Аське не очень понятно, что это значит. Дома, в Ленинграде, все деньги, которые мама и папа приносят с работы, передаются бабушке «на хозяйство». А уж она потом распределяет, на что и как их нужно потратить. На все праздники, на подарки и отпуск деньги откладываются отдельно. А если начать что-нибудь выпрашивать в магазине, неизменно услышишь: «Сейчас купить не могу. У нас мало денег». Хорошо, когда много денег! Как у мадам Прето. Поэтому с ней здорово ходить по магазинам – она никогда не отказывает ни в чем. Вот и сегодня без споров покупает Аське огромного надувного розового зайца. И пушистого плюшевого медведя. И новую спальню в домик для кукол. А себе – шикарное, переливающееся радугой бриллиантовое кольцо. Мадам желанный посетитель везде. Стоит только посмотреть, как суетятся продавцы и официанты при ее появлении.

Обедать намечено в итальянском ресторане. Аська хочет пиццу, но мадам настаивает: «Полезнее для ребенка – «паста». Когда приносят заказ, Аська разочарована: обыкновенные макароны с соусом! Дома, в Ленинграде, макароны едят почти каждый день. Как говорит мамочка, угощая ими своих подруг: «Что делать, приходится покупать дешевые продукты, копим на кооператив». Это чтобы жить не в коммунальной комнате, а в своей квартире, отдельно, без соседей. Подруги обычно понимающе кивают – он все поголовно копят на кооператив и их семьи также терпеливо питаются картошкой с макаронами.

Аська вяло ковыряет еду в тарелке, но, распробовав, обнаруживает, что «паста» приправленная вкуснейшим оранжевым соусом ничуть не походит на серые клейкие комки, называемые макаронами, которые подают ей дома и в детском саду.

– У ребенка хороший аппетит! – жизнерадостно констатирует мадам Прето. – Сейчас домой, отдохнуть и переодеться, а вечером – прием у ооочень интересных людей!

Мадам говорит это, округлив глаза, и добавляет: «Доходы хозяина даже больше, чем мои! А дом – настоящий дворец».

Аська так хочет посмотреть дворец, что даже не спорит, когда ее укладывают спать после обеда. Она лежит тихонечко и ждет, когда начнут собираться «на прием», мерить нарядные платья и украшения. В спальне мягкая полутьма, легкий голубовато-сиреневый свет сочится сквозь многослойные газовые занавески, закрывающие почти всю стену, и ложится тончайшими лучиками на огромную кровать – в доме мадам Прето нет «детских», есть только «гостевые». В одной из них и помещается Аська. Справа от кровати зеркальная стена. Стена отодвигается, а за ней – волшебный шкаф: «гардеробная», в которой можно ходить! Шкаф набит нарядами, а мадам, как-то раз случайно открыв его, удивляется: «Ну, надо же! А я даже и не помню, что в нем!»

Пушистый белый ковер на полу, волшебный матовый ночничок у кровати. Хорошо все-таки у мадам Прето! Не то, что в детском саду! – вздыхает Аська, вспоминая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.